

ПРЕДИСЛОВИЕ

От Существительных к Глаголам

Расправим крылья и полетим^[1].

Мы пассажиры самолета, который вышел из-под контроля и по спирали летит вниз к земле: Как мы можем избежать уничтожения? Единственный способ для всех нас — расправить крылья и взмахнуть ими так сильно, что мы прорвёмся через фюзеляж и улетим. Это было бы бессмысленно, если бы мы уже не делали этого.

Лететь — это глагол. Мы летим. В данный момент мы находимся в ловушке существительных (самолет). Или ещё лучше: на нас нападают глаголы, затвердевшие в существительных, перефразируя «Капитал» Маркса. Границы между анархизмом и марксизмом размываются, как и должно быть.

Сначала шаг вперёд в темноте, выход за пределы, как выразился Эрнст Блох, а затем путь, который прокладывается ходьбой, *un camino que se hace al andar*.

Обращение к глаголу было шагом во тьму, выходом за её пределы. Это — первая статья этого сборника, представленная в качестве доклада на конференции в Пуэбле в 1979 году, опубликованная на испанском языке в 1980 году и на английском языке только в 1991 году: столь нерешительны были мои шаги.

Я уже сотрудничал с Sol Picciotto в попытках открыть новые подходы к государству. Мы редактировали книгу «Государство и Капитал», в которой на английском языке представили немецкую дискуссию о происхождении государства, и написали статью, опубликованную в журнале «Капитал и класс», озаглавленную «Капитал, Кризис и Государство». Дискуссия о происхождении государства началась со статьи Вольфганга Мюллера и Кристель Нойсюсс, опубликованной в 1970 году, которая открыла новый и гораздо более строгий способ осмыслить капиталистическую природу государства. Опираясь на возрождение интереса к «Капиталу» в те годы, они утверждали, что для того, чтобы понять государство, его пределы и его импульсы, необходимо понять его как особую *форму* капиталистических общественных отношений, таких как деньги, стоимость, капитал, рента и т.д. И для этого необходимо логически вывести государство из природы отношений капитала так же, как Маркс вывел все прочие формы. Иными словами, необходимо было вывести *партикуляризацию* государства, его существование как особой формы капиталистических общественных отношений, отличной от денег или ренты.

Это должно было вернуть нас к давно забытому подходу русского юриста Евгения Пашуканиса, который в своей книге «Общая теория права и марксизм», вышедшей в 1924 году, вывел форму права и государства из природы товара и поставил следующий вопрос: «Почему господство класса не остаётся тем, чем оно является, то есть фактически подчинением одной части населения другой? Почему оно принимает форму официального господства

государства?» Данная связь с Пашуканисом была важна и теоретически, и политически. Пашуканис настаивал на специфически капиталистическом характере государственной формы как раз в то время, когда Сталин укреплял идею Советского Союза как социалистического государства, и за свои старания был в конце концов казнён в 1937 году. Аналогичная судьба постигла Ицхака Рубина, который в своих *«Очерках по теории стоимости Маркса»*, опубликованных почти одновременно с книгой Пашуканиса, теоретизировал стоимость как специфически капиталистическую форму общественных отношений. Было ясно, что поставить понятие *формы* в центр марксистской теории означало не только стимулировать новое прочтение Маркса и особенно *«Капитала»*, где "форма" играет центральную роль, но и обозначить разрыв со всей теоретической традицией коммунистических партий.

Дискуссия о происхождении государства имела важные теоретические и политические последствия, которые, как правило, не были изложены в статьях, бывших частью дискуссии. В общих чертах дискуссия сводилась к отказу от старой идеи о том, что государство — это просто инструмент господствующего класса: это упрощение не помогает нам понять пределы и противоречия действия государства и трудно примиряется со многими примерами действий государства, которые, по-видимому, не совпадают с интересами капитала. Влиятельная работа Ральфа Милибэнда *«Государство в капиталистическом обществе»*, в которой подчёркивались личные связи между членами правящего класса и высшими должностными лицами в государстве, подразумевала, что если бы эти личные связи были отменены, государство могло бы быть совершенно иным: другими словами, оно уделяло мало внимания структурным ограничениям на действия государства, вытекающим из природы капиталистического общества. Теоретически более требовательная и также очень влиятельная работа Никоса Пуланцаса подчёркивала прежде всего "относительную автономию" государства: поскольку оно является не просто инструментом правящего класса, но и относительно автономно от него, левые партии могут взять государство под свой контроль и использовать эту "относительную автономию", чтобы подтолкнуть государство в другом направлении. Это всё ещё влиятельный подход среди левых партий мира. Пуланцас часто упоминается, например, Альваро Гарсия Линера, вице-президентом Боливии. Дискуссия о происхождении государства не дистанцирует государство от его капиталистического характера (как это делает понятие "относительной автономии"), а скорее подчёркивает его "партикуляризацию", или единство-в-разделении, разделение-в-единстве государства и капитала.

Дискуссия о происхождении государства была подвергнута критике за принятие подхода капиталистической логики, предполагающего, что историческое развитие может быть понято просто как развертывание логики капиталистического развития. Возражение против такого подхода состоит в том, что он не оставляет места классовой борьбе. В лучшем случае борьба происходит в промежутках между развёртыванием законов капитала — точка зрения, которую Сол Пиччотто и я сформулировали во введении к *«Государству и Капиталу»*.

Этот вопрос можно рассматривать с точки зрения сплочённости и динамики общества, в котором мы живём. Государство, по-видимому, является решающей силой социальной сплочённости: тот факт, что мы обычно говорим о мексиканском обществе, британском обществе, американском обществе и т.д., даёт это ясно понять. Дискуссия о происхождении

государства, настаивая на том, что отправной точкой должно быть не само государство, а отношение капитала, указывает нам иное направление, утверждая, что сплочённость и динамика общества образуются из отношения капитала. Термин "отношение капитала" может быть истолкован по-разному, но в основном он относится к тому факту, что общественные отношения в нашем обществе опосредованы куплей-продажей рабочей силы как товара: это означает, что наши продукты соотносятся друг с другом как товары, следовательно, через деньги. Проще говоря, именно деньги удерживают мир воедино, и наше понимание мира должно начинаться складываться из этого. Именно эта базовая структура общественных отношений составляет сплочённость и, следовательно, динамику общественного развития. Государство является одним из моментов этой общей социальной сплочённости, но оно её не образует.

Именно существование денег как социального геля (тот факт, что человеческое богатство существует в виде огромной груды товаров, как Маркс формулирует это в первом предложении «*Капитала*») позволяет нам говорить о "законах капиталистического развития" или "логике капитала". И вот вопрос: Как мы понимаем силу этих законов? Если мы понимаем их в строгом смысле законов, независимых от человеческой воли, то это легко приводит к мнению, о том, что мало что может быть достигнуто, пока существует эта базовая структура, и что борьба должна быть сосредоточена прежде всего на подготовке условий для будущего свержения этой структуры. Существует чёткое различие между структурой (логикой капитала) и борьбой.

В очерке «Государство и Повседневная Борьба» я сделал пробный шаг за пределы подхода капиталистической логики, и иногда мне кажется, что всё остальное, что я написал, было попыткой понять последствия этого шага. Ключевое предложение гласит: «Поэтому существенно, что мы рассматриваем эти формы не как статические сущности, а как "процессы формирования" (Sohn-Rethel 1978, 17), как процессы, которые стремятся навязать постоянно меняющиеся, но всегда фрагментированные формы социальных отношений сопротивлению, неизбежно вызываемому классовым угнетением. Детерминированные формы капитала суть не только формы существования капитала, но и формы-процессы, посредством которых воспроизводится капитал. Капитал воспроизводится через постоянную формообработку (переработку в определённые формы, *Formierung*, формование) общественной деятельности» (1991, 239). Возможно, именно это предложение обеспечивает основополагающее единство различных статей в этой книге.

Интерлюдия: данное «я сделал шаг» — эгоцентрический академический способ выражения того, что произошло. Правда, я не выдвигал этот аргумент сознательно, в качестве результата коллективного обсуждения, и он и не был аргументом, направленным на то, чтобы повлиять на какое-либо партийное решение. Однако индивидуалистическая формулировка выражает более широкую социальную тенденцию. Я, как и многие другие, пытался думать о будущем: старые образцы революционно-партийного мышления рушились. Идея будущей государственно-центрированной революции теряла свои позиции среди многих из нас, кто думал (и всё ещё думает), что капитализм — это катастрофа и что мы должны найти способ сломать смертоносную логику капитала. Феминистское движение сосредоточило свое внимание на

важности повседневности и префигурации. Восстания "воркеристов" (*operaista* или автономистов) в Италии подчеркивали необходимость размышлений с позиций борьбы, а не капитала. В этом смысле название очерка "Государство и Повседневная Борьба" было отражением того, как развивалась антикапиталистическая мысль. Я до сих пор с ужасом вспоминаю, что в рамках событий, связанных с Конгрессом в Пуэбле, я оказался в группе с французским троцкистским лидером, где нас без подготовки попросили дать оценку нынешнему кризису капитализма. Он очень чётко изложил линию партии, а я, к счастью, совершенно не помню, что именно я сказал. Дело не в том, что это рассказ о личной неадекватности, а в том, что с тех пор дискуссии пошли дальше, и что мой, казалось бы, индивидуальный шаг оказался частью более общего движения. Конечно, партийные лидеры и их самоуверенные убеждения всё еще существуют, но есть более общий смысл делать пробные шаги, торить те пути, по которым мы идём, осуществлять сапатистское «вопрошая, мы идём».

Переход от «формы» к «формообработке» или, лучше сказать, от «формы» к «формированию» был частью кризиса партийно-центристского мышления, доминировавшего до этого в марксистской дискуссии. Если понимать капитализм как замкнутую систему, управляемую "законами капиталистического развития", то классовая борьба будет направлена на построение организации, способной разрушить эту систему с её законами и логикой, и эта организация в принципе понимается как партия. Но если существительные превращаются в глаголы, если все формы капиталистических общественных отношений понимаются как формопроцессы, так что товар понимается как отоваривание, деньги — как монетизация, капитал — как капитализация, государство — как огосударствливание и т.д., то всё это изменяется. (И, конечно, аэроплан становится аэропланированием, и, если мы понимаем, что этот аэроплан направляет нас к нашему массовому самоуничтожению, как и логика капитала, то и логика становится логицированием).

Первое, что меняется — это направление борьбы. Вместо того чтобы думать о борьбе как о нашей борьбе против установившейся системы господства, мы приходим к пониманию того, что эта "установившаяся система" является постоянной и отчаянной борьбой за то, чтобы навязать себя как последовательную логическую систему и воспроизвести себя как таковую. Деньги — это не вещь и не устойчивая форма общественных отношений, это постоянная борьба за то, чтобы определённым образом формировать поведение людей, борьба, которая включает в себя работу миллионов и миллионов полицейских, борьба, поддерживаемая психологами, учителями, родителями и т.д. И это буквально приводит к смерти от насилия, голода и неизлечимых болезней тысячи и тысячи людей каждый день. Капитал — это нападение, непрекращающаяся агрессия против нас, заставляющая нас каждое утро вставать с постели и идти на работу, заставляющая нас работать быстрее на фабрике, в офисе или в университете, заставляющая студентов и преподавателей направлять свои заботы на то, что повысит доходность капитала, вытесняющая крестьян с земли, разрушающая общины. Это нападение, никогда не бывающее уверенным в своём исходе, постоянно провоцирующее сопротивление-и-восстание. Это не значит, что наше мышление начинается с капитала: нет, наше мышление — это часть сопротивления-и-восстания, это часть диссонирующего хора криков, противостоящего капиталистической атаке, убивающей нас.

Логика капитала неотделима от борьбы: она *и есть* борьба. Маркс даёт краткое изложение законов капиталистического развития: «Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки!» (Marx 1990 [1867], 742). Но накопление — это постоянная борьба; в нём нет ничего автоматического. Общество формируется под влиянием непрекращающегося стремления капитала накопить больше прибавочной стоимости, и это постоянное нападение на условия труда, образование, здравоохранение, окружающую среду, всё, чтобы сформировать их таким образом, который способствует прибыльности капитала. Это фрагментарная атака, в которой различные государства конкурируют за обеспечение наиболее благоприятных условий для накопления капитала, пытаясь привлечь капитал на свою территорию.

Логика капитала — это атака, и сила атаки заключается в её последовательности и логике, но её успех никогда не бывает автоматическим. Оно постоянно сталкивается с сопротивлением-и-восстанием. Сопротивление-и-восстание: слово с дефисами, которое я подметил в речах, произнесённых Субкоманданте Мойсесом для сапатистов, но я не знаю, был ли он его автором. Сопротивление-и-восстание — это фундаментальная концепция, потому что она отсылает нас обратно к нападению: мы сопротивляемся-и-восстаём, потому что на нас нападают. Во-первых, это очень часто консервативная защита того, что существует, к чему мы привыкли или к чему привязаны. Наши условия преподавания или обучения в университете подвергаются нападкам сокращений или новых административных мер: наша первая реакция — защищать их; структура коллективной собственности, которая была материальной основой крестьянских и коренных общин, была атакована изменением мексиканской Конституции, и реакция последовала в виде защиты общин — сильный импульс, стоящий за восстанием сапатистов в 1994 году; горнодобывающая компания объявляет, что она собирается заложить открытую шахту в небольшой общине, и жители мобилизуются, чтобы защитить свой крестьянский образ жизни; автомобильная компания говорит, что собирается ввести новые методы работы, и рабочие объединяются, чтобы защитить свои старые методы и ритмы работы; компания по развитию недвижимости планирует разрушить дом, в котором мы живём, и мы собираем других жителей, чтобы защитить здание. Во всех этих случаях различие между консерватизмом и бунтом размывается. Вспоминается знаменитое первое предложение книги Джона Уомака о Мексиканской революции: «Эта книга о крестьянах, которые не хотели меняться и поэтому совершили революцию». Важно поставить под сомнение традиционное различие между "левыми", которые ищут перемен, и консервативными "правыми", которые хотят, чтобы всё оставалось по-прежнему: это предполагает стабильный мир. На самом деле мы все подвергаемся нападению, наша первая реакция, как правило, консервативная — сопротивление, и во многих случаях это переливается через край, приводя к более общему сомнению по поводу логики нападения, логики прибыли. Первая часть слова тянется к своему дополнению: сопротивление становится сопротивлением-и-восстанием.

Это открытие. Мы атакованы, и эта атака имеет связность: логика капитала. Без понятия капитала мы не можем понять динамику атаки, формирующей нашу жизнь и структурирующей движение мира. Но данная логика капитала есть логика, которая постоянно сталкивается с сопротивлением-и-восстанием, с миллионом отказов от этой логики, с миллионом попыток создать мир на иной основе. Она сталкивается с нелогичизированным миром. Капиталистические формы общественных отношений сталкиваются с несформированным

миром неправильного поведения, несоответствия, непослушания. Формирование против несоответствий — вот центральный антагонизм капитализма. Если мы остаёмся на уровне *формы*, а не *формирования*, то этот антагонизм закрыт.

Логика капитала действительно существует, и любая попытка понять социальное развитие, не сосредоточенное на понятии капитала, потеряет связь с общей динамикой, но разработка этой логики постоянно находится под вопросом, постоянно борется. Логика есть логизирование, совокупность общественных отношений есть тотализирование, социальная сплочённость капитала сплавливает социум: они никогда не приходят к финалу, всегда сопротивляются, всегда нуждаются в воспроизведении. Борьба с капиталом — это отказ принять воспроизводство его логики; это разрыв его сплачивания, раскол его тотализирования. Эти отказы, это раскалывание, эта фрагментация ещё не сломили постоянно возобновляющегося движения логики капитала, но они предлагают совершенно иную концепцию революционной политики. Возможность революции — это не вопрос построения организации, которая однажды захватит государственную власть и разрушит капитал: скорее это признание, создание, расширение, умножение и слияние всех этих разрушений логики капитала, всех этих созиданий иных способов делать вещи.

Атака исходит от капитала, или, скорее, капитал *и есть* атака. Наше мышление, однако, возникает из нашей реакции на это нападение. Мы атакованы, подвергнуты насилию, мы не подчиняемся, яримся, отказываемся, сопротивляемся-восстаём, кричим-против, толкаемся против-и-за-пределы. Понимание капитала как глагола толкает нас в иной мир, *наш* мир, мир Нас, мир нарушения субординации и отсутствия субординации. *Наш* мир не стоит в стороне: это не невинный, чистый мир сообщества; это мир, подвергающийся нападению и развёрнутый нападением, гневный мир калек, повреждённых капиталом. Наш мир — это мир ярости и, несмотря ни на что, мир надежды. Надежды: но как?

Полезный ли это способ переосмысления революции? Мы не знаем, потому что капитал всё ещё существует, всё ещё продолжает разрушать мир, и очень часто трудно понять, как мы можем полностью остановить его. На страшном опыте мы узнали, что революция не может быть осуществлена через государство, но это ничего не говорит нам о пути. Аргумент против традиционной концепции не может принимать форму «вы неправы, мы правы», самое большее — «вы неправы, мы исследуем».

Статьи, воспроизведённые в остальной части книги, являются частью данного исследования. Центральная тема — понимание кризиса как обострения борьбы и проявления хрупкости капитала. Кризис — это выражение неспособности капитала эксплуатировать нас в достаточной мере, чтобы обеспечить свою собственную прибыльность, неспособности полностью подчинить нас своей логике, сформировать нашу повседневную деятельность таким образом, чтобы гарантировать её постоянное расширение: в этом смысле мы — кризис капитала, и борьба капитала — это борьба за более эффективное подчинение нас. Это то, что исследуется в статье «Красная Роза Nissan», сосредоточенной на борьбе в отрасли автомобильной промышленности Великобритании и на открытии завода Nissan в Сандерленде, как на крайне сознательном введении нового способа подчинения, нашедшего параллель в возрождении

Лейбористской партии как «новой рабочей силы», переориентации, возглавляемой в то время Нилом Кинноком, но которая позже нашла выражение в военных преступлениях Тони Блэра. Как управленческие, так и политические изменения, анализируемые в статье, являются попытками преодолеть неподчинение. Неподчинение является главной проблемой для любой системы господства.

И неподчинение — это *мы*. Мы — объект нападения, субъект надежды. Если мы понимаем капитал и его формы существования как глаголы, а не как существительные, то мы ставим в центр антагонизм, а не господство. Капитал — это не просто господство, это антагонизм. Мы занимаем позицию в этом антагонизме. Написав это, я заявляю, что я на стороне неподчинения, что я против подчинения человечества капиталу. И вы, дорогой читатель, если вы существуете — сделайте то же самое заявление, прочитав это. Если вы существуете, то это уже составляет нас в виде «мы» — и кто знает, может быть, есть и ещё кто-то? Мы знаем, что атака идёт сверху, что мы являемся объектом атаки, что наша деятельность изо дня в день формируется этой атакой, тотализирующей дисциплиной капитала. Но сам факт, что мы пишем / читаем это, говорит нам, что мы больше, чем объект, что мы переполнены. Мы подчинены капиталу, но мы также и непокорны. И вот что нас интересует: наше неподчинение или несоответствие. Это то, что нас интересует, потому что именно там мы находимся, там мы живём, но также и потому, что оттуда проистекает возможность иной формы общества. Наше несоответствие — это нынешнее существование общества, которое ещё не существует, но может быть создано, по Эрнсту Блоху (постоянный вдохновитель). Наше несоответствие наполнено мечтой, обещанием, настоящим созданием мира, который ещё не существует, но в первую очередь это ужас, отказ, крик: в начале есть крик.

Дальше я не пойду. Я не хочу портить впечатление от нижеследующей книги, рассказывая вам всю историю целиком. Да, и всё же, ещё кое-что.

В начале есть крик, и что это такое, что мы кричим? Мы кричим «Баста! Хватит!» точно так же, как и сапатисты, когда они восстали в январе, в первый день 1994 года. В то время я уже жил в Мексике (и продолжаю жить до сих пор), но волны этого великого «Баста!» перекатились за все границы. Это не только сила отказа сапатистов, но и их необычайная креативность и открытость. Они создали надежду там, где она казалась исчезнувшей. Они переварили неудачу государственно-центрированных революций двадцатого века и разработали новую грамматику сопротивления и бунта, со своими шутками, своими историями, своими концепциями и принципами: достоинство; править, повинуюсь (*mandar obedeciendo*); ходить, а не бегать, потому что идти нам очень далеко; ходить в самом медленном темпе; мы обычные люди, то есть бунтари; и чудесное “вопрошая, мы идём” (*preguntando caminamos*). Если их вдохновение находит отклик в некоторых последующих статьях, а не только в тех, которые касаются непосредственно их, то я действительно счастлив.

И теперь сапатисты противостоят нам с силой бури (*la tormenta*). В своем выступлении на семинаре “Критическая Мысль против Гидры Капитализма” в мае 2015 года они ставят перед нами вопрос: «Дело в том, что мы, сапатисты, видим и слышим, что грядёт катастрофа во всех её смыслах... Поэтому мы, сапатисты, думаем, что мы должны спросить других людей другого

календаря, разных географических областей — что есть то, что вы видите?»^[2] Что мы думаем? Что мы думаем о шторме, который мы переживаем, который мы чувствуем вокруг себя, который приближает нас всё ближе и ближе к полному разрушению? И как мы можем думать об этой буре не только как о катастрофе, но и как о акушерке, помогающей рождению другого мира? И как мы можем считать эту бурю своей, зная, что *мы* — кризис капитала? Вопросы, вопросы, вопросы.

И да, ещё одна вещь — потому что любой список должен содержать больше одного пункта — спасибо, спасибо, спасибо стольким людям, что я решил не называть имён, а просто упомянуть о нашем постоянном семинаре здесь, в университете в Пуэбле, где мы уже много лет думаем обо всём этом.

С этими словами мы снова оказываемся в потерявшем контроль аэроплане, снижающемся по спирали вниз, вниз, вниз — к катастрофическому финалу. Только теперь мы знаем, что это не структура, а структурирование, не логика, а логицирование, противостоящие миллионом отказов подчиниться, миллионом яростно-надеющихся взмахов крыльев. И мы улетаем.

?

Ссылки

- Holloway, John. "The State and Everyday Struggle." In *The State Debate*, edited by Simon Clarke. London: Macmillan, 1991.
- Holloway, John, and Sol Picciotto. *State and Capital: A Marxist Debate*. London: Edward Arnold, 1978.
- Marx, Karl. *Capital*, vol. 1. London: Penguin Books, 1990 [1867].
- Miliband, Ralph. *The State in Capitalist Society*. New York: Basic Books, 1969.
- Müller, Wolfgang, and Christal Neusüß, "Die Sozialstaatsillusion und der Widerspruch von Lohnarbeit und Kapital." *Sozialistische Politik*, 1970. Partly translated into English in John Holloway, and Sol Picciotto. *State and Capital: A Marxist Debate*. London: Edward Arnold, 1978.
- Pashukanis, Evgeny. *Law and Marxism: A General Theory*. London: Ink Links, 1978 [1924].
- Rubin, Isaak Illich. *Essays on Marx's Theory of Value*. Montreal: Black Rose Books, 1973 [1924].
- Sohn-Rethel, Alfred. *Intellectual and Manual Labour*. London: Macmillan, 1978.
- Womack, John. *Zapata and the Mexican Revolution*. New York: Vintage, 1969.

1. Большое спасибо Паносу Доулосу за его комментарии к более ранней версии. [↩](#)

2. «El asunto es que lo que nosotros, nosotras, zapatistas, miramos y escuchamos es que viene una catástrofe en todos los sentidos, una tormenta.... Entonces nosotros, nosotras, zapatistas, pensamos que tenemos que preguntar a otros, a otras, a otro/as, de otros calendarios, de geografías distintas, qué es lo que ven». [↩](#)